

Я молча переглянулся съ своимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ пришелъ бы въ ярость.

— Стало-быть у васъ деньги есть? — продолжалъ онъ допрашивать.

— Стало-быть у васъ денегъ куча, а? А развѣ вы за тѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чай распивать? Вы чай распивать пришли? Да говорите-же, чтобъ васъ!..

Но вида, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (латокъ), въ которую складывался весь парѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика, что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного и онъ бы раздробилъ намъ головы. Не смотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными неприятностями всему острогу: начались-бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому арестанты всеми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — не смотря на это, теперь, все притихли и выжидали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газина! — до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то прикнулъ изъ сѣней:

— Газинъ! Вино украли!..

— Онъ грохнулъ сельницу на полъ и какъ сумасшедшій бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! говорили межъ собой арестанты. — И долго потомъ они говорили это.

Я не могъ узнать потомъ было-ли это извѣстіе о покражѣ вина справедливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечеромъ, уже въ темнотѣ, передъ запоромъ казармъ, я ходилъ около палъ и тяжелая грусть пала мнѣ на душу, и никогда послѣ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день заточенія, гдѣ-бы то ни было: въ острогѣ ли, въ казармѣ ли, въ каторгѣ-ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ, — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь; это: о неравенствѣ наказанія за однѣ и тѣже преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнивать одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримеръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены все обстоятельства обоихъ дѣлъ; и потому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ, посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримеръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: — вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. *Что-жъ, батька, ты меня посылаешь, на добычу; вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашель. — Дуракъ! луковица, — анъ

копѣйка! Сто душъ, — сто луковицъ, вотъ-те и рубль! — (Осторожная легенда); — а другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродячеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И что же? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть вариация въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но вариаций этихъ, сравнительно, не много; а вариаций въ одномъ и томъ-же родѣ преступленій — безчисленное множество. Что характеръ, то и вариация. Но положимъ, что примирить сгладить, эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача — квадратура круга; положимъ такъ! Но еслибъ даже это неравенство и не существовало, — посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который, до поступленія въ каторгу, и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримеръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ сознаниемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній; убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудилъ за свое преступленіе, безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленіе, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего антрепренера съ утра до ночи; а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаваніе, есть возможность заработать копѣйку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всезнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почтительнымъ изумленіемъ; онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ быть въ свѣтѣ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ одинаково чувствительно? Но, впрочемъ, что заниматься неразрѣшенными вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

М. Достоевскій.

(Продолженіе впереди).

МЕЛО ДІЯ.

(Изъ Байрона)

She wals in beauty, live the night
Of cloudless climes and starry skies.

Какъ ночь стообая, алмазомъ звѣздъ одѣта,
Въ торжественномъ, полуночномъ сіяньи,

Она является въ игрѣ тѣни и свѣта
 Въ неуловимомъ ихъ чарующемъ слияннн.
 И все: блескъ дня, мерцанье южной ночи,
 Чѣмъ солнце жжетъ и звѣзды пламенѣють,
 Все перешло въ ея черты и очи, —
 Предъ чуднымъ образомъ и ночь и день блѣднѣють.

И блескъ и мракъ! Слияніе такъ нѣжно,
 Что тѣню болѣе въ чертахъ, иль менѣй блеска —
 То эта грація исчезнетъ неизбѣжно,
 И прелесть тайная нарушится въ нихъ рѣзко.
 Ихъ волновать, тревожить ихъ — безбожно:
 Такъ протокъ взглядъ, такъ мысль ея кристальна,
 Что посмотрѣвъ въ глаза, казалось, было бѣ можно
 Прозрѣть — душа ея ясна или печальна.

На цѣломудренномъ челѣ отроковицы
 На бархатныхъ лаптахъ, безмятежно,
 Какъ первый ясный день проснувшейся денницы,
 Все говоритъ въ ней такъ краснорѣчиво нѣжно
 О дѣтскихъ помыслахъ души невозмутимой,
 Съ покоемъ дѣвственнымъ и дѣвственной любовью...
 И грезы грѣшныя надъ ней несутся мимо,
 Не смѣя чистаго коснуться изголовья.

Д. М.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТУРЕЦКИХЪ ПРАВОВЪ. (*)

I.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЯ ЛАВКИ.

Турецкая лавка никогда не помѣщается подъ кровлей и находится вся на открытомъ воздухѣ. Она напоминаетъ садъ безъ ограды или, вѣрнѣе — прогъ безъ верхней корки. Товары разставлены на наклонномъ полу, посрединѣ котораго на возвышеніи, служащемъ конторкой, сидитъ турокъ въ чалмѣ и кафтанѣ, точно господинъ, который сыгралъ роль въ пьесѣ изъ «Тысячи одной ночи» и не успѣлъ еще переодѣться. Всѣ эти важные и почтенные Али-Бабы и Мустафы неподвижно сидятъ, скрестивши ноги, и заняты куреніемъ табаку до такой степени, что, по-видимому, они должны вести жизнь чисто созерцательную и совершенно избавлены отъ необходимости интересоваться барышемъ и убыткомъ. И дѣйствительно, пусть, пасущіеся на турецкихъ улицахъ, ослы, столбцуютъ и повалятъ цѣлый уголъ лавки, пусть вбѣгутъ въ нее мошенники, преслѣдуемые вооруженными солдатами, пусть пройдетъ мимо самъ султанъ, сопровождаемый огромною свитой посланниковъ, и Али-Баба не шелохнется; его бѣлая или зеленая чалма останется неподвижною, точно чудовищный грибокъ. Если бѣ курьеръ явился извѣстить Мустафу о томъ, что его тридцать третья жена умерла или, что огонь небесный истребилъ его родное село Буюкъ-Дере, Мустафа ограничится тѣмъ, что потянетъ нѣсколько разъ посылнѣе изъ трубки, перечитаетъ нѣсколько молитвъ по четкамъ, висящимъ за поясомъ, и отпуститъ доброе количество проклятій на счетъ всѣхъ невѣрныхъ земли. Какого бы рода ни былъ предметъ торговли турковъ, они никогда не загромождаютъ дорогъ, какъ это часто можно видѣть въ другихъ странахъ

Европы. Маленькія лавки ихъ, болѣею частію, не выступаютъ изъ стѣнъ и весь товаръ, какъ-то: трубки, чубуки, деревянные галоши (для бань), фески (красивый колпакъ съ синей кисточкой), помѣщается внутри ея. У входа же ея, въ такомъ случаѣ, усаживаются сами хозяева, скрещивая подъ себя ноги и укладывая возлѣ себя красныя туфли.

Турецкая лавка непохожа на лондонскую, занимающую нерѣдко нижній этажъ цѣлаго дома; это скорѣе — шалаши продава старыя башмаковъ. Въ этомъ шалаши проживаетъ очалмленный человекъ, взявшій себѣ въ помощь нѣсколькихъ черноглазыхъ грековъ или армянъ съ оливковыми лицами, осужденныхъ избавлять его отъ труда укладыванія и раскладыванія полосатыхъ матерій, сандалянаго семени, кусковъ алоэ, хлыстовъ изъ гипнопотамовой шкуры, мягкихъ салфетокъ для бани и другихъ припасовъ, которые могутъ потребоваться.

Трудно себѣ представить, чтобы могъ васъ надуть человекъ, который нмало не спѣшитъ и не старается продать свой товаръ, который, приглашая васъ садиться на свою эстраду, предлагаетъ вамъ лимонадъ, шербетъ, трубку и кофе. Всякій разъ, когда я садился такимъ образомъ для покупки какойнибудь бездѣлицы: трубки изъ красной глины или туфлей, вышитыхъ перламутромъ, я бы лучше желалъ, чтобы Мустафа принялъ меня за арабскаго купца, захватившаго къ нему на нѣсколько мѣсяцевъ, чѣмъ за невѣрнаго, у котораго всего нѣсколько минутъ для остановки и нѣсколько рублей на издержки. И однако этотъ самый турокъ, столь достопочтенный и величественный, запрашиваетъ съ меня цѣну равную двадцати настоящимъ цѣностямъ товара, который я желалъ купить. Тутъ только я чувствовалъ, какъ быстро возросло мое уваженіе къ промышленнымъ инстинктамъ этого длиннородаго плута, забывая даже и то обстоятельство, что въ душѣ его таится искреннѣйшее желаніе не только наплевать въ мой кофе, но и поиграть головой моею вмѣсто мячика.

Чтобы понять, къ какой эпохѣ цивилизаціи относятся турецкія лавки, необходимо сказать нѣсколько словъ объ улицахъ, ведущихъ къ нимъ и отъ нихъ. Турокъ XIX столѣтія совершенно тотъ же турокъ XVII, и улицы Стамбула въ 1860 году остались точно такими, какими онѣ были въ 1600 году. Завтра же вышлите турковъ въ ихъ старинный азіатскій лагерь и — прежній образъ жизни омажется столь же подходящимъ къ натурѣ современныхъ намъ турковъ, какъ и ихъ предковъ. Выгоните ихъ изъ города, который они захватили у христіанъ, и улицы Стамбула окажутся совершенно такими же, какими ихъ описывали многіе путешественники того времени. Сожмите до увѣчія ноги мусульманина въ тонкіе парижскіе сапоги, обтяните пальцы его въ лучшую лайку, надушите его, завейте, вставьте въ глазъ его лорнетъ, одѣньте его въ какой вамъ угодно мундиръ, онъ отъ этого не перестанетъ быть по прежнему варваромъ, религія его все-таки останется вредною и опасною, многоженство будетъ тѣмъ же бичемъ, а несчастнымъ странамъ, надъ которыми онъ господствуетъ, всегда суждено представлять собою пустыни или грязныя клоаки. Покуная чтонибудь у Мустафы, мнѣ иной разъ приходила охота высказать все это ему; но для этого необходимо было настроить себя такъ, чтобы разсердиться на него, а это никакъ мнѣ не удавалось, потому что, какъ хотите, при всемъ плутовствѣ Мустафы, у него такія хорошія манеры, столько достоинства, снобойствія и любезность настоящаго джентльмена, при полномъ отсутствіи чего либо смѣшнаго или неловкаго, нескромнаго или грубаго въ его обхожденіи.

(*) Заимств. изъ сочиненія, Turkish life and character.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За журналъ безъ музык. при-
ложений:
На годъ съ 1 января безъ до-
ставки 6 р.
Съ доставкою въ С. Пе-
тербургѣ 7 р.
Съ пересилкою по почтѣ 8 р.
На полгода уплачивается по-
ловиною этихъ цѣнъ.
За музыкальнныя приложенія
прибавляется къ годовымъ
цѣнамъ 4 р.
На полгода же, равно какъ и
отдѣльно на одиѣ прило-
женія, подписка не прини-
мается.

РУССКІЙ МІРЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ПО СРЕДАМЪ И СУБВОТАМЪ.

№ 3.

11 ЯНВАРЯ

1861.

Желающіе могутъ получать
по этимъ же цѣнамъ жур-
наль съ приложеніями и
безъ приложеній на годъ и
съ 1 минувшаго сентября по
1 сентября 1861 годъ.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ журна-
ла, при музыкальномъ мага-
зинѣ Ф. Стелловскаго, по-
ставщика Двора Его Вели-
чества, въ Большой Мор-
ской, въ д. Лауферта, № 27.
Въ книжномъ магазинѣ Базу-
лова, на Невскомъ проспек-
тѣ, въ домѣ Ольхиной.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВОГО ДОМА.

Первыя впечатлѣнія.

III.

Только что ушелъ М — цкій, (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню

Пьяный арестантъ, среди бѣлдня, въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ начальникѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящимся въ острогѣ безотлучно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ, при всѣхъ этихъ строгостяхъ,—совершенно спутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понятія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ прежде, чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа—естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любитъ деньги и цѣнитъ ихъ выше всего, почти наравнѣ съ свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онѣ звенятъ у него въ карманѣ. Напротивъ онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и падаетъ духомъ, если ихъ нѣтъ и тогда онъ готовъ и на воровство и на что пошло, только-бы ихъ добыть. Но, не смотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоценностью, они никогда не залеживались у счастливца, ихъ имѣющаго. Во первыхъ трудно было ихъ сохранить, чтобъ не украли, или не отобрали. Если майоръ добирался до нихъ, при внешннхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ быть онъ употреблялъ ихъ на улучшение арестантской пищи; но крайней мѣрѣ, онѣ приносились къ нему. Но всего чаще ихъ крали; ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на сохраненіе старику, старовѣру, поступившему къ намъ изъ Стародубовскихъ слободъ бывшихъ когда-то Вѣттовцевъ.... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькой, сѣдѣнкой. Онъ пришолъ въ каторгу годомъ позже меня и рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ,—что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ довольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинами. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ—старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что, въ ослѣпленіи своемъ, считалъ ее «мукою за вѣру». Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій какъ дитя человекъ, быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». — Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запирался въ этомъ. Казалось, что, по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятые за него «муки» онъ долженъ-бы былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы, большею частію сибиряки. Это былъ сильно развитой народъ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквѣды и, по своему, сильные діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый въ высочайшей степени. Совсѣмъ другой человекъ былъ старикъ. Начетчикъ, можетъ быть, больше ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени общительнаго. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся,—не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ, смѣхомъ,—въ которомъ много было